

Евгений
ПЕРМЯК

Классика
для
школьников

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Рассказы
и сказки

РЕКОМЕНДОВАНО
ЛУЧШИМИ
УЧИТЕЛЯМИ

Классика для школьников

Евгений Пермяк

**Бумажный змей.
Рассказы и сказки**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пермяк Е. А.

Бумажный змей. Рассказы и сказки / Е. А. Пермяк —
«Издательство АСТ», 2018 — (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-110883-0

Евгений Андреевич Пермяк, настоящая фамилия Виссов (1902–1982), – русский писатель, автор очерков, рассказов, сказок, пьес, повестей, романов. Свой творческий псевдоним писатель выбрал в честь родного города Перми. Ещё в юности он овладел профессиями столяра, слесаря, сапожника, токаря и кузнеца. Поэтому большинство рассказов и сказок посвящены труду: «Как Маша стала большой», «Золотой гвоздь», «Торопливый ножик», «Беглая малина», «Кто мелет муку», «Тайна цены» и другие. В сказках Евгения Пермяка оживают самые обычные вещи, которые нас окружают, а животные наделяются человеческими качествами: «Филя», «Хитрый коврик», «Про торопливую куницу и терпеливую синицу», «Ежиха – форсиха». В своих рассказах автор учит юных читателей тому, как надо ценить дружбу, работу, человеческие отношения, жизнь. В сборник вошли рассказы и сказки писателя, написанные для детей.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110883-0

© Пермяк Е. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Рассказы	5
Бумажный змей	5
Как Маша стала большой	6
Как Миша хотел маму перехитрить	7
Первая рыбка	8
Ах!	9
Про нос и язык	10
Торопливый ножик	11
Кто?	12
Самое страшное	13
Пичугин мост	14
Смородина	15
Легкомысленная покупка	16
Мама и мы	17
Дедушкины очки	21
Балкунчик	23
Славка	25
Разные цветы	27
Египетские голуби	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Андреевич Пермяк

Бумажный змей: Рассказы и сказки

Рассказы

Бумажный змей

Хороший ветерок подул. Ровный. В такой ветер бумажный змей высоко летает. Туго нитку натягивает. Весело мочальный хвост развеивает. Красота! Задумал Боря свой змей сделать. Лист бумаги у него был. И дранки он выстрогал. Да недоставало мочала на хвост да ниток, на которых змей пускают. А у Сёмы большой моток ниток. Ему есть на чём змей пускать. Если бы он лист бумаги да мочала на хвост достал, тоже бы свой змей запустил.

Мочало у Пети было. Он его для змея припас. Ниток только ему не хватало да бумажного листа с дранками.

У всех всё есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает.

Сидят мальчики на пригорке и горюют. Боря свой лист с дранками к груди прижимает. Сёма свои нитки в кулак зажал. Петя своё мочало за пазухой прячет.

Хороший ветерок дует. Ровный. Высоко в небо дружные ребята змей запустили. Весело он мочальный хвост развеивает. Туго нитку натягивает. Красота!

Боря, Сёма и Петя тоже бы такой змей могли запустить. Даже лучше. Только дружить они ещё не научились. Вот в чём беда.

Как Маша стала большой

Маленькая Маша очень хотела вырасти. Очень. А как это сделать, она не знала. Все перепробовала. И в маминых туфлях ходила. И в бабушкином капоте сидела. И причёску, как у тёти Кати, делала. И бусы примеряла. И часы на руку надевала. Ничего не получалось. Только смеялись над ней да подшучивали.

Один раз как-то Маша вздумала пол подметать. И подмела. Да так хорошо подмела, что даже мама удивилась:

– Машенька! Да неужели ты у нас большая становишься?

А когда Маша чисто-начисто вымыла посуду да сухо-насухо вытерла её, тогда не только мама, но и отец удивился. Удивился и при всех за столом сказал:

– Мы и не заметили, как у нас Мария выросла. Не только пол метёт, но и посуду моет.

Теперь все маленькую Машу называют большой. И она себя взрослой чувствует, хотя и ходит в своих крошечных туфельках и в коротеньком платьице. Без причёски. Без бус. Без часов.

Не они, видно, маленьких большими делают.

Как Миша хотел маму перехитрить

Пришла Мишина мама после работы домой и руками всплеснула:

– Как же это ты, Мишенька, сумел у велосипеда колесо отломать?

– Оно, мама, само отломалось.

– А почему у тебя, Мишенька, рубашка разорвана?

– Она, мамочка, сама разорвалась.

– А куда твой второй башмак делся? Где ты его потерял?

– Он, мама, сам куда-то потерялся.

Тогда Мишина мама сказала:

– Какие они все нехорошие! Их, негодников, нужно проучить!

– А как? – спросил Миша.

– Очень просто, – ответила мама. – Если они научились сами ломаться, сами разрываться и сами теряться, пусть научатся сами чиниться, сами зашиваться, сами находиться. А мы с тобой, Миша, дома посидим и подождём, когда они это всё сделают.

Сел Миша у сломанного велосипеда, в разорванной рубашке, без башмака, и крепко задумался. Видимо, было над чем задуматься этому мальчику.

Первая рыбка

Юра жил в большой и дружной семье. Все в этой семье работали. Только один Юра не работал. Ему всего пять лет было.

Один раз поехала Юрина семья рыбу ловить и уху варить. Много рыбы поймали и всю бабушке отдали. Юра тоже одну рыбку поймал. Ерша. И тоже бабушке отдал. Для ухи.

Сварила бабушка уху. Вся семья на берегу вокруг котелка уселась и давай уху нахваливать:

– Оттого наша уха вкусна, что Юра большущего ерша поймал. Потому наша уха жирна да навариста, что ершище жирнее сома.

А Юра хоть и маленький был, а понимал, что взрослые шутят. Велик ли навар от крохотного ершишки? Но он всё равно радовался. Радовался потому, что в большой семейной ухе была и его маленькая рыбка.

Ах!

Ничего Надя делать не умела. Бабушка Надю одевала, обувала, умывала, причёсывала. Мама Надю из чашечки поила, с ложечки кормила, спать укладывала, убаюкивала.

Прослышала Надя про детский сад. Весело там подружки играют. Танцуют. Поют. Сказки слушают. Хорошо детям в детском саду. И Наденьке было бы там хорошо, да только не взяли её туда. Не приняли!

Ах!

Заплакала Надя. Заплакала мама. Заплакала бабушка.

– Почему вы Наденьку в детский сад не приняли?

А в детском саду говорят:

– Да как мы её примем, когда она ничего не умеет делать.

Ах!

Спихватилась бабушка, спихватилась мама. И Надя спихватилась. Стала Надя сама одеваться, сама обуваться, умываться, есть, пить, причёсываться, спать укладываться.

Как узнали об этом в детском саду – сами за Надей пришли. Пришли и увели её в детский сад, одетую, обутую, умытую, причёсанную.

Ах!

Про нос и язык

У Кати было два глаза, два уха, две руки, две ноги, а язык один и нос тоже один.

– Скажи, бабушка, – просит Катя, – почему это у меня всего по два, а язык один и нос один?

– А потому, милая внучка, – отвечает бабушка, – чтобы ты больше видела, больше слышала, больше делала, больше ходила и меньше болтала и нос свой курносый куда не надо не совала.

Вот, оказывается, почему языков и носов бывает только по одному.

Ясно?

Торопливый ножик

Строгал Митя палочку, строгал да бросил. Косая палочка получилась.

Неровная. Некрасивая.

– Как же это так? – спрашивает Митю отец.

– Ножик плохой, – отвечает Митя, – косо строгает.

– Да нет, – говорит отец, – ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

– А как? – спрашивает Митя.

– А вот так, – сказал отец.

Взял палочку да принялся её строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и тоже стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Долго торопливый ножик не хотел слушаться. Торопился: то вкривь, то вкось норовил вильнуть, да не вышло. Заставил его Митя терпеливым быть.

Хорошо стал строгать ножик. Ровно. Красиво. Послушно.

Кто?

Заспорили как-то три девочки, кто из них лучшей первоклассницей будет.

– Я буду лучшей первоклассницей, – говорит Люся, – потому что мне мама уже школьную сумку купила.

– Нет, я буду лучшей первоклассницей, – сказала Катя. – Мне мама форменное платье с белым фартучком сшила.

– Нет, я... Нет, я, – спорит с подругами Леночка. – У меня не только школьная сумка и пенал, не только форменное платье с белым фартуком есть, мне ещё две белые ленточки в косички подарили.

Спорили так девочки, спорили – охрипли. К подружке побежали. К Маше.

Пусть она скажет, кто из них самой лучшей первоклассницей будет.

Пришли к Маше, а Маша за букварём сидит.

– Не знаю я, девочки, кто самой лучшей первоклассницей будет, – ответила Маша. – Некогда мне. Я сегодня должна ещё три буквы выучить.

– А зачем? – спрашивают девочки.

– А затем, чтобы самой плохой, самой последней первоклассницей не оказаться, – сказала Маша и принялась снова читать букварь.

Притихли Люся, Катя и Леночка. Не стали больше спорить, кто лучшей первоклассницей будет. И так ясно.

Самое страшное

Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал.

Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил.

Никого не боялся Вова. Ничего ему страшно не было. И этим он очень гордился. Гордился, да недолго.

Настал такой день, когда мальчики не захотели с ним играть. Оставили его – и всё. Он к девочкам побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушку, а тот на улицу убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а кот на шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится.

Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перебрался.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете: Вова остался один.

Один-одинёшенек!

Пичугин мост

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

– Хорошо бы, – говорит один, – на пожаре ребенка спасти!

– Даже самую большую щуку поймать – и то хорошо, – мечтает второй. – Сразу про тебя узнают.

– Лучше всего на Луну полететь, – говорит третий мальчик. – Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно. В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить.

Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее.

Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

– Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямик через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией – Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее – Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь ещё. А его все по-старому называют – Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

Смородинка

Танюша много слышала о черенках, а что это такое – не знала.

Однажды отец принес пучок зелёных прутиков и сказал:

– Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать.

Стала Таня разглядывать черенки. Палочки как палочки – чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

– Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

– Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами. А там лопухи с репейником росли. Да такие цепкие, что и не сразу выполешь их.

Бабушка помогла. Повыдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дёрн снять, потом комья разбить. А дёрн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покорилась. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала как отец велел и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила и принялась ждать.

Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

– Вот какая хорошая «смородинка» у Калинниковых растёт. Нстойчивая.

Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.

Легкомысленная покупка

Однажды я поехал на московский Птичий рынок, чтобы купить попугайчиков, а купил лисенка. Купил, не желая этого. Тётка, продававшая лисёнка, так настойчиво предлагала его, а лисёнок был до того симпатичен и стоил так недорого, что я купил его вместе с корзинкой и привёз на дачу, которую мы арендовали под Москвой.

Жильё для лисёнка придумалось ещё дорогой. По приезде я соорудил из сетки довольно просторный невысокий вольер.

Пол вольера тоже был сетчатым, чтобы лисёнок не убежал. Крыши никакой. А чтобы зверьку не мокнуть, я поставил в вольер плотный ящик, проделав в нем отверстие и застав его всякими «мягкостями», от ваты до мха.

Лисёнок быстро освоился. Спал в ящике. Забегал в него до наступления дождя, как бы предсказывая этим непогоду. Кормили лисёнка чем только можно. И конечно, мясом. Покупали третий сорт. Зверёк становился прожорливее, очень быстро подрастая.

К осени он вымахал и стал если не лисой, то уже около этого. Мне домашние сказали, что они уже устали покупать мясо, да и недельный мясной рацион оказался не таким дешёвым. Мясо третьего сорта не всегда можно было достать. К тому же приближалась осень. Не везти же лису в Москву! Выход был единственный и самый простой. Выпустить обжору на волю и пусть заботится сама о себе, живёт на доброе здоровье.

И вскоре, когда лиса забежала в ящик, мы закрыли отверстие, через которое она входила. Затем раскрыли сетчатый вольер и понесли лису в лес.

Пришли на полянку, поставили ящик, открыли дверцу. Вскоре лиса осторожно высунула морду, огляделась, затем вышла. Выйдя, она не захотела уходить в лес. Мы решили пугнуть. Хлопали в ладоши. Бросали в её сторону что попадёт под руку, а она не убегала.

Наконец мы её прогнали в лес и вернулись к себе. Кончилось как будто всё хорошо. Но как выяснилось, ничего не кончилось, а – началось.

Лиса захотела есть и вернулась в вольер. Я накормил, выпроводил её и заделал отверстие в сетке вольера. Произошло ещё более худшее. Лиса, привыкшая к легкому корму и людям, стала охотиться за курами дачного поселка.

Охотницу скоро опознали. На меня посыпались жалобы. Говорилось определенно и ясно: «Ты завёл, ты и расплачивайся за неё». Я это делал сколько мог, а потом открыл отверстие в сетке вольера и поймал преступницу, решив отдать её в зоопарк. Не превращать же свою старую знакомую в воротник... Но до зоопарка дело не дошло. Выручили пионеры. Взяли лису в уголок живой природы. Что потом было с ней, я не узнавал и узнавать не хотел. Только после этого дал себе слово никогда не заводить диких зверей и не заводил их.

Пусть этим занимаются другие, кто может, у кого есть для этого возможности, навыки, всё прочее. Даже милым безмолвным аквариумным рыбкам и тем нужно тщательно подготовить всё необходимое, прежде чем сделать их своими жильцами. А без этого и жильцам будет плохо, и ещё хуже – их хозяевам.

Легкомысленную покупку сделать нетрудно, да не всегда легко переживать потом её последствия. Щенка и того прежде чем заводить, нужно продумать всё до последней мелочи...

И опять же всё это я говорю не для досужего поучительства, а на всякий случай, как доброжелательное предупреждение...

Мама и мы

Если обо всём своём детстве говорить, недели, пожалуй, мало будет. А так, кое-что – пожалуйста. Вот, например, случай был...

Мы задержались в школе, потому что заканчивали выпуск стенной газеты. Когда мы вышли, уже смеркалось. Было тепло. Падал крупный, пушистый снег. Видимо, поэтому Тоня и Лида дорогой танцевали танец снежинок. Мой младший брат, ожидавший меня, чтобы идти вместе, подсмеивался над ними:

– Скачут, как первоклассницы!

Снег падал всё гуще и гуще. Танцевать стало нельзя. Снегу навалило до половины валенка.

– Не заблудиться бы! – предупредил нас, на правах самого дальновидного, мой младший братец.

– Да ну тебя, трусишка! – отозвалась Лида. – Через пятнадцать минут будем дома.

Снегопад между тем усиливался. Забеспокоился и я, зная, как жестоки наши степные сибирские метели. Случалось, что люди теряли дорогу, находясь близ своего дома. Я посоветовал прибавить ходу, но этого сделать уже было нельзя по глубокому слою снега, покрывшему дорогу.

Стало ещё темнее. Наступила какая-то белая снежная темнота. А потом началось то, чего я опасался. Снежинки вдруг закружились... Закружились в таком танце, что через несколько минут началась настоящая пурга, вскоре перешедшая в большой буран.

Девочки закутали лица платками. Мы с Федей опустили у шапок уши. Узенькая дорожка, которая вела в наше село, то и дело исчезала под ногами. Я шёл первым, стараясь не потерять под ногами дорожный накат. До дому оставалось менее версты. Я верил, что мы выберемся благополучно.

Напрасно.

Дорога исчезла. Будто её из-под ног украл кто-то очень недобрый из сказки моей бабушки. Может быть, Шальная Метелица... может быть, злой старик Буран Буранович.

– Вот, я же говорил! – упрекнул нас Федя.

Лида ещё бодрилась, а Тоня почти плакала. Она уже побывала в пурге со своим отцом. Она ночевала в снежной степи. Но тогда в санях был запасной теплый тулуп, и Тоня, укрытая им, благополучно проспала ночь. А теперь?

Теперь мы уже выбивались из сил. Я не знал, что делать дальше. Снег таял на моём лице, и лицо от этого обледеневало. Ветер свистел на все лады. Чудились волки.

И вдруг в вое ветра я услышал спокойный голос матери:

«Кого ты испугался? Пурги? Тебе хочется кричать? Кто тебя услышит при таком ветре! Может быть, ты надеешься, что вас найдут собаки? Зря. Какая собака пойдёт в степь при такой погоде! У тебя осталось только одно: зарыться в снег».

Я так отчетливо слышал голос моей матери, отлично зная, что маминым голосом я разговариваю сам с собой в моём воображении. И я сказал:

– Мы сбились с дороги. Мы можем выбиться из сил и замерзнуть. Давайте зарываться в снег, как это делают кочевники.

Видимо, я объявил об этом так твёрдо, что никто не возразил мне. Только Тоня плачущим голосом спросила:

– А как?

И я ответил:

– Так же, как куропатки.

Сказав так, я первым начал рыть колодец в глубоком февральском снегу. Я его начал рыть сначала школьной сумкой, но сумка оказалась толста; тогда я вынул из сумки географический атлас в прочном картонном переплёте. Дело пошло быстрее. Меня сменил брат, потом Тоня.

Тоня даже развеселилась:

– Тепло как! Попробуй, Лидочка. Разогреешься.

И мы стали поочередно рыть колодец в снегу. После того как колодец достиг нашего роста, мы стали прорывать пещёрку в его снежном боку. Когда метель заметет колодец, мы окажемся под снежной крышей вырытой пещёрки.

Вырыв пещёрку, мы стали размещаться в ней. Ветер вскоре замёл снегом колодец, не задувая в пещёрку. Мы оказались под снегом, как в норе. Будто тетерева. Ведь и они, бросаясь с дерева в сугроб и «утонув» в нём, потом проделывают подснежные ходы и чувствуют себя там самым великолепным образом.

Усевшись на школьные сумки, согревая своим дыханием маленькое пространство нашей каморки, мы почувствовали себя довольно уютно. Если бы ко всему этому ещё оказался огарок свечи, мы могли бы видеть друг друга.

У меня был с собой кусок свиного сала, оставшийся от завтрака. И если бы спички, я бы сделал фитиль из носового платка и у нас бы появился светильник. Но спичек не было.

– Ну вот, мы и спаслись, – сказал я.

Тут Тоня неожиданно объявила мне:

– Коля, если ты захочешь, я подарю тебе моего Топсика.

Топсиком назывался ручной суслик.

Суслик мне был не нужен. Я ненавидел сусликов. Но мне было очень приятно Тонино обещание. Я понимал, чем вызван этот щедрый порыв души. Да и все понимали. Не зря же Лида сказала:

– Ты, Николай, теперь у нас сила! Мужчина!

В её голосе я снова услышал голос мамы. Видимо, в каждой женщине, даже если ей всего только двенадцать лет, есть какая-то материнская хитринка, подбадривающая мужчину, если этому мужчине тоже только двенадцать лет.

Я почувствовал себя в самом деле сильным и стал рассказывать бабушкины сказки. Я их стал рассказывать потому, что боялся уснуть. А когда я усну – уснут и остальные. А это было опасно. Можно замёрзнуть. Одну за другой я рассказал, наверное, тридцать, а может быть, и больше сказок. Когда же вышел весь запас бабушкиных сказок, я стал придумывать свои. Но, видимо, придуманные мною сказки были скучными. Послышался легкий храпоток.

– Кто это?

– Это Тоня, – ответила Лида. – Она уснула. Мне тоже хочется спать. Можно? Я вздремну только одну минуточку.

– Нет, нет! – запретил я. – Это опасно. Это смертельно опасно.

– Почему же? Смотри, как тепло!

Тут я нашёлся и соврал так удачно, что после этого никто не пожелал даже дремать. Я сказал:

– Волки нападают на спящих. Они только того и ждут, чтобы услышать, как храпит человек.

Сказав так, я привёл уйму случаев, выдумываемых мною с такой быстротой, что даже не верится сейчас, как это я мог...

Теперь рассказывали другие. По очереди.

Время шло медленно, и я не знал, полночь сейчас или, может быть, уже брезжит рассвет. Колодец, вырытый нами, давно замела пурга.

Пастухи-кочевники, оказываясь в таком же положении, выставляли из снега высокий пестик. Они специально брали его в степь на случай бурана, чтобы потом их можно было найти, отрыть.

У нас не было шеста, и нам не на что было надеяться. Только на собак. Но и они бы не учуяли нас сквозь толщу снега.

Мое сало давно было разделено и съедено, как и Лидин ломоть хлеба.

Всем казалось, что уже наступило утро, и хотелось верить, что пурга кончилась, а я боялся прорываться наверх. Это значило забить снегом пещёрку, вымокнуть и, может быть, очутиться снова в белой снежной мгле. Но каждый из нас понимал, какое беспокойство мы причинили всем. Нас, может быть, ищут, кличут в степи... И я представил свою маму, которая кричит сквозь ветер:

«Колюнька... Федюнька... Отзовитесь!..»

Подумав об этом, я стал прорываться наверх. Снежная крыша над нами оказалась не столь толста. Мы увидели бледнеющую луну и гаснущие звезды. Занималась какая-то сонливая, словно невыспавшаяся, бледная заря.

– Утро! – крикнул я и стал проделывать ступени в снегу, чтобы выбраться остальным.

С неба сыпались запоздалые снежинки. Я сразу же увидел наш ветряк. Дым из труб поднимался тонкими, будто туго натянутыми, струнами. Люди проснулись. А может быть, они и не спали в эту ночь.

Вскоре мы увидели наших ребят. Они обрадованно бежали к нам и кричали:

– Живые! Все четверо! Живые!

Мы бросились к ним навстречу. Я не стал медлить и слушать, что рассказывали об этой ночи, обо мне Тоня и Лида. Я побежал к нашему домику.

Саней на дворе не было – значит, отец ещё не вернулся. Открыв дверь, далеко оставив за собой Федюньку, я бросился к маме. Бросился и... что было, то было... и заплакал.

– Да о чём ты? – спросила мать, утирая мне слёзы передником.

И я сказал:

– О тебе, мама... Ты, наверное, голову потеряла без нас.

Мать усмехнулась. Освободилась из моих объятий и подошла к кроватке Леночки. Это наша младшая сестра. Подошла и поправила одеяльце. И сказала ей: «Спи». Хотя та и без того спала и одеяльце незачем было поправлять. Потом она подошла к подросшему Федюньке и спросила:

– Валенки не промокли?

– Нет, – ответил он. – Под валенками атлас был. Полушубок вот подмок. Есть я хочу...

– Переобувайтесь да живо за стол, – сказала мать, ничего не спросив о минувшей ночи.

«Да любит ли она нас? – впервые подумал я. – Любит ли? Может, эта ревунья Леночка у неё один свет в глазу?»

Когда мы съели по две тарелки горячих щей, мать сказала:

– Я постлала, ложитесь. В школу не пойдёте. Нужно выспаться.

Я не мог уснуть, а спать хотелось. Я пролежал до полудня в тёмной горнице с закрытыми ставнями.

Нас позвали обедать. Приехал отец. Он уже знал всё от Лиды и Тони. Он хвалил меня. Обещал мне купить маленькое, но настоящее ружьё. Он удивлялся моей находчивости.

А мать?..

Мать сказала:

– Парню тринадцатый год. И смешно было бы, если бы он растерялся в метель да себя с товарищами не спас.

– Анюта!.. – укоризненно заметил отец матери.

А мама перебила отца и сказала:

– Ешь давай! Каша стынет. Хватит разговоры разговаривать! За уроки им браться надо. Ночь пробродяжничали, день потеряли...

После обеда Тоня принесла мне Топсика. Я не взял его.

Лидина мать, Марфа Егоровна, явилась с большим гусакom и, низко поклонившись матери, сказала:

– Спасибо тебе, Анна Сергеевна, что такого сына вырастила! Двух девок спас. У Тоньки-то сестры есть, а Лидка-то ведь у меня одна...

Когда Марфа Егоровна кончила свои причитания, мама сказала:

– Как тебе не стыдно, Марфа, моего недотёпу Кольку героем выставлять! – и, повернувшись, наотрез отказалась взять гусака.

Вечером мы остались с бабушкой вдвоём. Мать ушла на станцию, к фельдшеру. Сказала, что угорела – болит голова.

С бабушкой мне всегда было легко и просто.

Я спросил её:

– Бабушка, хоть ты скажи мне правду: за что нас так не любит мать? Неужели мы в самом деле такие нестоящие?

– Дурень ты, больше никто! – ответила бабушка. – Мать всю ночь не спала. Ревела как умалишённая... С собакой по степи вас искала. Колени обморозила... Только ты ей, смотри, об этом ни гугу! Какова она есть, такую и любить надо. Я её люблю...

Вскоре вернулась мать. Она сказала бабушке:

– Фельдшер дал порошки от головы. Говорит, чепуха. Через месяц пройдёт.

Я бросился к матери и обнял её ноги. Сквозь толщу юбок я почувствовал, что её колени забинтованы. Но я даже не подал виду. Я никогда ещё не был так ласков с нею. Я никогда ещё так не любил свою мать. Обливаясь слезами, я целовал её обветренные руки.

А она всего лишь, как бы между прочим, будто телёнка, погладила меня по голове и ушла, чтобы лечь. Видимо, стоять ей было трудно.

В холодной хoле растила и закаливала нас наша любящая и заботливая мать. Далеко смотрела она. И худого из этого не получилось. Федюнька теперь дважды Герой. И про себя я кое-что мог бы сказать, да матерью строго-настрого завещано как можно меньше говорить о себе.

Дедушкины очки

У деда внук был. Не ахти какой самоцвет – парень и парень. Только старик очень внука любил. И как не любить, когда он – дедушкин портрет, бабушкина улыбка, сыновняя кровь, невесткина бровь и её же румянец.

Отец, мать на работе, а внук при дедушке.

Старик сам на всю семью валенки подшивал и сапожничал по домашности.

Внук около деда вертится – хочет узнать, что к чему. Глазами дедушке помогает. И руками подсобить не отказывается.

Провоцит, скажем, дедушка дратву, а щетинку в её конец не может воскать.

– Дай, дедушка, я воску. Ты плохо видишь.

– Да воскёшь ли, внук? Дело хоть простое, а трудное.

Час, другой, третий бьётся внук, а научится. И так всегда.

– Ах ты, дедушкины очки! – скажет старик. – При тебе и без глаз остаться не боязно.

Увижу.

Подопрели как-то у старой избы нижние венцы. Менять надо.

– Давай, внук, сами венцы сменим.

– Давай, – отвечает внук. – Только я, дедушка, никогда этого не делывал.

– Не беда, – отвечает дед. – Были бы глаза, а руки при хороших глазах что хочешь сделают.

Тащи пилу. Точить будем. Развод зубьям хороший дадим.

Притащил внук пилу и побаивается, чтобы дед руки не повредил.

– Я сам, дедушка. Только ты мне показывай, как зубья разводить, как напильник при точке держать.

Показал дед, как развод зубьям давать, как напильник держать.

Поторопился внук – поранился маленько. А дедушка палец перевязывает да и говорит:

– Пила-топор торопливых не милуют. А мы их терпением обманем да сноровкой перехитрим.

Обманул внук пилу терпением, топор сноровкой перехитрил. Выточил так, что они в дерево, как нож в масло, идут.

– Пойдём теперь, внук, в лес дерева на венцы валить. Только побереги меня, Вася, в лесу от смерти.

– От какой смерти, дедушка?

– Деревя знаешь какие вредные? От себя валишь, а на тебя упадут. Боюсь, как бы меня какое дерево не прихлопнуло. Я ведь ещё хуже видеть стал.

– Ничего, дедушка. Зато я в оба глаза буду глядеть.

Пришли в лес. Дедушка показывать начал, как запил зарубать, куда наклон у дерева, как по ветру дерево валить.

Хорошо с делом справляется внук – деда оберегает. Сторожко, с умом дерева валит, ноги бережёт.

Пришло время венцы подводить. Дед опять на глаза жалуется:

– Васенька, ты теперь уж вовсе моими очками стал. Гляди, а я рассказывать буду.

Рассказал дед, как бревно замерять, как паз в бревне выбирать, как угол в лапу рубить.

Старается внук. Что дедушка говорит, то и делает. А старик на ощупь руками проверяет, где и что не так – указывает. Подвёл внук венцы, новым мохом пазы проложил, проконопатил. Васины отец-мать диву дались:

– Как это ты всё можешь, сын?

А Вася им:

– Да это не я, а дедушка.

Прошло сколько-то там времени, дед пуще прежнего на глаза жаловаться стал:

– Не могу я, Василий, без работы жить. Руки без дела слепнут, душа старится, сердце останавливается.

А внук припал к дедушке и давай его обнадеживать:

– Не горюй, дедушка. Я за двоих вижу. Моих глаз нам на обоих хватит.

Давай работать. Ты только говори, а я сам увижу.

Работают дед и внук. В два глаза глядят, в четыре руки мастерят. Печи перекладывают, трубы выводят, рамы стеклят, полы стелют, крыши щепой кроют.

Нарасхват мастера.

Как-то они навесы к рамам привёртывали, и внук отвёртку потерял.

Искал, искал – не может найти. А дед ему:

– Да вон она, Васенька, в стружке лежит.

– Это как же ты, дедушка, увидел её?

– Видно, внук, глаза от работы прозревать начали.

– Может быть, и бывает так, только я не слыхал, чтобы к старости глаза лучше видеть начинали.

Опять прошла неделя, другая. Тонкую работу дед с внуком взяли.

Старинный узор в барском доме для колхозной чайной нанялись подправлять.

– Ты, – говорит внук, – сиди, дедушка, это не по твоим глазам, а я прожилки у листочков наводить буду.

Стал внук прожилки кисточкой выписывать, а дед и говорит:

– Васька, да ты это что? Прожилки листам надо во всю их живую силу давать, а ты их тоньше волоса выводишь.

Слез Василий с подмостей и спрашивает:

– Как это ты, дед, с полу прожилки на листьях можешь видеть, когда я их плохо разглядываю?

А дедушка не потерялся да и говорит:

– Молод ещё, значит, мастер. Не можешь пока без дедушкиных очков работать.

Тогда внук и спрашивает:

– Так кто же для кого очки? Ты для меня или я для тебя?

– А это уж тебе, внучек, лучше знать.

Понял тогда Василий про дедову слепоту. Обнял старика:

– Хитрый ты у меня, дедушка. Беда какой хитрый!

А старик на это, не таясь, отвечает:

– Если деду хитрому не быть, так откуда внуку умному да работающему вырасти?

Много лет прошло. Громко Василий работать начал. Во всю силу его трудовая слава зацвела. Василием Петровичем величать стали, редким мастером. Когда же состарился он, сам стал молодым мастерам хитрые «дедушкины очки» надевать. Чтобы глубже свое дело видели да на работу шире смотрели.

Балкунчик

В Крыму, между посёлками Планерское и Щебетовка, перегородили плотиной сырую балку, и получился отличный ставок.

Прослышав, что в этом водоёме водится рыбёшка, мы отправились попытать счастья. Беседуя о том о сём и, конечно, о крупной рыбе, мы дошли до ставка.

Тишина. Ни души.

Вдруг в кустах мелькнула чья-то полосатая тельняшка.

– Здравствуйте, товарищ капитан! – окликнул мой спутник паренька лет двенадцати.

– Здравствуйте, – ответил тот.

Познакомились. Отрекомендовались друг другу. Он назвался временным помощником пастуха.

– В каникулы дяде помогаю скот пасти да вот рыбачу.

– И удачно? – спросил мой товарищ.

– Ещё бы! Тут рыбу не переловишь.

– А какая здесь рыба? – спросил я.

– Балкунчики, – ответил он.

– Балкунчики? – переспросил я.

– Да. Жирные-прежирные балкуны. Даже на чистой воде жарить можно.

Мы переглянулись. Ни один из нас не только не видел рыбы с таким названием, но и не слышал о ней. А сознаваться не хотелось – рыбачья гордость не позволяла. Тогда мы пошли в обход.

Мой товарищ спросил:

– Крупные балкуны попадают?

– Не очень. Зато помногу. Сейчас увидите. Я вершу вытаскивать буду.

Тут наш новый знакомый запустил руку по самую шею в воду и добыл конец бечевы, к которой, как оказалось, была привязана верша.

– Теперь смотрите! – крикнул он и рывком вытащил вершу, сооружённую из проволоки и мелкой металлической сетки.

В верше кишмя кишела рыба. Мы увидели самых обыкновенных карасей.

– Это и есть балкунчики? – спросил мой товарищ.

– Ну конечно! – с гордостью ответил удачливый рыбак, выбирая из верши рыбу.

Крупных карасей мальчик клал в холщовую торбочку, а мелочь – в ведро с водой.

– Это же караси! – сказали мы в один голос. – Это же самые обыкновенные караси.

– Не-ет... – возразил, улыбаясь, мальчик. – В других ставках караси – это караси. А это – балкунчики.

– Да почему же, – спросил мой товарищ, – они так называются?

И мальчик ответил:

– По дедушке Балкуну. Он умер тем летом. А в пятьдесят третьем году дедушка Балкун в ведре пятнадцать икранных карасей принёс. Золотых. И пустил сюда, в ставок. От тех карасей и стали нарождаться балкунчики. Тысячами пошли. Успевай только закидывать... На удочку с того берега балкуны хорошо клюют. Вечером. Без тридцати штук не уйдёте.

Разговаривая с нами, мальчик погрузил вершу, деловито спрятал конец бечевы на дно и стал объяснять свой уход.

– Как бы не заснули они, – указал он на ведро с мелочью. – Их мне через две горы нужно пронести... А красные черви у вас есть? – спросил он, уходя.

– Есть, – ответил я и спросил: – А зачем тебе нужно эту мелочь за две горы нести?

– Как зачем? Наше звено обязательство выдвинуло – пятьсот балкунов переселить в новый пруд. Триста с чем-то уже переселили, да здесь их штук сорок. Значит, только сто шестьдесят останется... Ну, я пошёл, а то уже один балкунчик перевернулся. Ничего, отойдёт. Они живучие...

Мальчик, махнув нам рукой, скрылся.

Вскоре я увидел его легко взбирающимся на горушку. Он нёс ведро поочередно то правой, то левой рукой.

Видимо, ведро, наполненное чуть не до краёв водой, было для него нелегким грузом.

Но он спешил. Ему хотелось как можно скорее поселить в новый пруд балкунью мелочь.

Поздно вечером мой товарищ возвращался с большим уловом балкунов.

И я, не прикоснувшись к удилищу, тоже уносил своего так счастливо пойманного балкунчика, ставшего теперь этим рассказом.

Рассказом о старике, прославившем свое имя пятнадцатью карасями, бескорыстно пущенными в безымянный прудок для внуков и раздумья. Рассказом о маленьком заботливом наследнике, каких уже много у нас, очень много, и не только в Крыму...

Славка

У агронома в колхозе «Ленинские искры» подрастал сын Славик. Когда мальчику исполнилось шесть лет, он заявил отцу:

– Папа, я тоже хочу быть агрономом. Я тоже, как ты, хочу выращивать хорошую пшеницу.

– Это очень приятно, – согласился отец. – Давай я отведу тебе поле.

И агроном отвёл своему сыну поле в палисаднике перед окнами дома, где они жили. Поле мальчику показалось очень небольшим. Оно было в один метр длиной и в один метр шириной – квадратный метр.

– Это не беда, – сказал отец. – И на этом поле можно вырастить знаменитую пшеницу.

Вскоре мальчику было показано, как нужно рыхлить землю, на какую глубину засевать маленькую пашню пшеничным зерном и как нужно за ней ухаживать.

Когда появились всходы, Славик очень обрадовался. Он тщательно пропалывал их, а когда земля подсыхала, поливал своё крошечное поле из маленькой лейки.

Пришло время убирать урожай. Славик вместе с отцом срезал колосья, а затем занялся молотью. Молотили дома, на столе. Молотили карандашом, выбивая из каждого колоска зёрна.

Зёрен оказалось много. Ими можно было засеять всю землю палисадника. Но отец сказал:

– Давай посеем только лучшие зёрна.

И Славик стал отбирать лучшие зёрна пшеницы – самые большие, самые пузатенькие. Нелегко было перебрать весь урожай. Не один час потратил Славик в долгие зимние вечера на сортировку зерна. Лучшие взял для семян, а остальные скормил уткам.

Пришла весна. Весной Славик снова перебрал отобранные семена и снова вместе с отцом взрыхлил и удобрил своё маленькое поле. Теперь уже отец работал меньше и меньше указывал.

Весело зазеленели всходы. Выше поднялись стебли. И понятно почему: поле было засеяно лучшими из лучших семенами. А когда появились большие колосья и стали наливаться тяжёлым зерном, Славик часами просиживал у своего поля. Он не мог дождаться урожая. Очень хотелось узнать, каким будет на этот год зерно.

Но однажды пошёл дождь с крупным градом. И Славик заплакал. Он боялся, что град погубит урожай, а поле закрыть было нечем. Но бабушка бросила через окно большой отцовский зонт, и мальчик раскрыл его над полем. Град больно хлестал Славика, потому что сам-то он был не под зонтом. Он держал зонт на вытянутой руке над своим полем. Из глаз Славика катились слёзы. Но Славик не уступил граду, не ушёл с поля.

– Ты настоящий мужчина, – сказал ему отец. – Только так и можно было защитить дорогие семена.

Чудесный урожай собрал Славик на вторую осень.

Теперь он уже знал, как нужно подсушить колосья, как их обмолотить, легонечко постукивая по ним карандашиком. Не дожидаясь совета отца, Славик отобрал самые крупные зерна. Их нельзя было сравнить с прошлогодними. Те были куда мельче и легче.

На третий год Славик засеял поле самостоятельно. Он хорошо удобрил землю. Хорошо взрыхлил и засеял два квадратных метра. Он переходил уже во второй класс, и ему было под силу справиться с таким опытным полем. И он справился. К тому же ему помогал школьный товарищ.

Намолотив осенью достаточно пшеницы, мальчик пригласил сортировать зёрна друзей из своего класса, и те предложили Славику засеять большое поле.

Сказано – сделано. Весной ребята огородили большое поле в школьном саду – поле в десять метров длиной и в два метра шириной.

Славику ребята избрали главным агрономом и слушались его во всём. Кропотливо рыхлили землю и пололи сорняки.

Летом пшеница заколосилась ещё лучше, чем в прошлые годы. Заколосилась так, что на неё обратили внимание старики колхозники. Какая это была радость!

Однажды председатель колхоза сказал шутливо Славику:

– Товарищ главный агроном, продай колхозу урожай на семена.

Славик покраснел. Ему показалось, что председатель смеётся над его полем. А председатель не смеялся. Осенью он пришел на обмолот урожая. Урожай теперь молотили почти всем классом Славику. Молотили в тридцать два карандаша.

– Давайте, молодые семеноводы, засеем этим хорошим зерном большое поле. Вместе, – предложил председатель.

Ребята согласились. И вот наступил пятый год. Ребята вышли на сев вместе с колхозниками. И вскоре был снят пятый урожай. Теперь его уже нельзя было обмолотить даже тысячей карандашей. Молотили на току, по старинке, ударяя колосьями по плетёному коробу. Боялись повредить зёрна.

На шестой год было засеяно огромное поле. А на седьмой и на восьмой новым, чистосортным пшеничным зерном засеивались поля соседних колхозов. За ним приезжали издалека. Но всех немислимо было оделить семенами этого нового, урожайного сорта пшеницы. Давали семян по горсти, по две. Приезжие благодарили и за это.

...Когда я приехал в колхоз «Ленинские искры», мне показали эту отличную пшеницу и сказали:

– Это новый сорт пшеницы. Называется этот сорт «славка».

Тогда я спросил, почему так называется эта пшеница и откуда взялось это название. Может быть, от слова «слава» или «славная»?

– Да нет, нет, – ответил председатель. – Она так называется от имени Вячеслав, которого в детстве звали Славику, а попросту – Славкой. Я познакомлю вас.

И меня познакомили с высоким голубоглазым застенчивым юношей. Он был очень смущён, когда я его стал расспрашивать о пшенице, а потом рассказал историю этой пшеницы, начиная с первого урожая в палисаднике.

Разные цветы

Ромаше Ваганову до всего было дело. Он всё принимал близко к сердцу. Всюду старался приложить свои руки.

На его глазах вырос поселок Никитово. Он помнит, как в ковыльной степи закладывали первый дом. А теперь красуются три улицы да ещё намечаются две. Никитово будет маленьким совхозным городком. Так его можно назвать и теперь. В посёлке есть и школа, и почта, два магазина, детский сад, но нет цветов. Почти нет. Нельзя же считать цветами долговязые мальвы да крошечные маргаритки, которые растут в двух-трёх палисадниках. Цветы – это розы, пионы, тюльпаны, георгины, нарциссы, флоксы и другие, которые так нарядно «цветут» на страницах книг о цветах и цветоводстве. Таких книг, надо сказать, в магазине поселка было достаточно, а цветочных семян – ни пакетика. Наверно, магазину не до семян, потому что самые главные товары едва успевают завозить. Заведующий магазином прямо сказал:

– Не разорваться же мне...

Прав он, конечно. У него забот без цветочных семян достаточно, а все-таки он своего милого племянника Стасика не забыл. Подарил ему семена. Разные. Стасик сам говорил об этом в школе. Стасик хоть и не плохой мальчишка, а любит похвастаться.

Конечно, Ромаша мог бы у Стасика Поливанова попросить семян, да как-то язык не повернулся. Не любит Стасик с другими делиться. Он не то чтобы жадненький, а какой-то чересчур бережливый. Мяч футбольный и тот жалеет, хотя одному никак нельзя даже в самый простой футбол играть. Хоть двоих, да надо: один мяч в ворота загоняет, а другой ворота защищает. Поэтому ребята в классе старались у Стасика ничего не просить. Махнул Ромаша рукой на Стасика и пошёл к дедушке. Дедушку тоже Романом звали. Сидят два Романа в натопленной кухне и совещаются о цветах. Совещались они, совещались, придумывали разные ходы-выходы, а потом дед и говорит:

– Ромка, свет-то ведь не клином сошёлся. И неужели все дело в Стаськины семена уперлось? Мир-то ведь велик. Разве мало у нас народа живёт, которым некуда деть цветочные семена!

– Это верно, дедушка, – сказал Ромаша, – но ведь как узнаешь, у кого лишние семена есть?

– Да ведь ты грамотный человек, – говорит дед, – кликни клич, что, мол, так и так, в хорошем посёлке Никитово всё есть, а с цветами конфуз получается.

– А как я клич кликну, – спрашивает внук, – по радио?

– Можно и по радио, но через газету вернее. Все прочитают. И хоть один человек, да откликнется.

Долго сочинял Ромаша письмо. Дед в двое очков читал написанное. Исправлял. Советовал. Подсказывал. И наконец получилась короткая и хорошая заметка. Ничего в ней ни у кого не просил Ромаша, а рассказывал то, что есть. Про новую школу, про электрическое освещение, про широкие улицы, про хорошие дома... Ничего не выдумал. Всему точное слово вместе с дедом нашёл, а потом перешёл на цветы. Не жаловался, а просто сказал: «Так уж случилось, что не до цветов пока было нам в молодом целинном поселке Никитове. С другими делами еле справлялись». А потом в самом конце приписал:

«Хорошо бы, если бы кто-нибудь прислал нам хоть немного цветочных семян. Ни одному бы семечку пропасть не дали».

Подписал своё имя и фамилию Ромаша, указал адрес поселка, перечитал написанное, проверил до запятой и послал заказным письмом в «Пионерскую правду».

А вдруг да в самом деле напечатают! А если не напечатают, то всё равно напишут ответ и скажут, куда ему лучше всего обратиться. Время ещё терпит. За окном ещё метелицы метут, а снег и не думает таять.

Почти каждый день дед с внуком о письме вспоминают, дни считают, ответа ждут.

А потом, как это и бывает, забыли о письме. У Ромаша школьные дела. А у Романа Васильевича тем более прибавилось работы с приближением весны. Проверка ремонта тракторов и подготовки к посеву. Проба семян на всхожесть. Беседы с молодыми механизаторами. А депутатские дела – само собой. Они круглый год не останавливаются. Беспокойная старость у старика, зато весёлая – на людях с утра до вечера.

А письмо Ромаша между тем было прочитано в редакции, похвалено и напечатано. Ромаша и не знал, получив номер «Пионерской правды», что в нём красуется в рамочке с цветочками его заметка. Он, как всегда, пришёл в школу, сунул в парту свою сумку и решил бежать в уголок живой природы, проверить, как себя чувствуют ежи. В коридоре его остановил Стасик.

– Пришлют, думаешь? – спросил он.

– Ты о чем?

– О газете.

В руках Стасика была газета «Пионерская правда» с заметкой. Ромаша хотел взять газету, но верный себе Стасик сказал:

– Я сам ещё не всю прочитал...

Ромаша не успел сказать Стасику то, что нужно было сказать, как в его руках оказались сразу три газеты.

Какое счастье читать в газете написанные тобою слова! Не беда, что заметку немножечко сократили. Зато жирными буквами приписали от редакции очень хорошее обращение. Редакция надеялась, что школьники поселка Никитово не останутся в этом году без цветочных семян. И надежды редакции оправдались.

Не прошло и дня, как пришли сразу три телеграммы о присылке семян. Затем пошли письма. Никогда ещё в Никитовское почтовое отделение не приходило столько писем, бандеролей и посылок. Ромаша и не предполагал, что «Пионерскую правду» читают миллионы ребят. Не ожидал этого и его дед. Стали приходить ящики с луковицами, корневищами, черенками, отводками. Всё это нужно было где-то хранить. Радость перешла в испуг. Часть присланного стали складывать в школе, а потом ребята были вынуждены обратиться в дирекцию совхоза.

– Мы же не знали, что так будет, – жаловался директору совхоза Ромаша. – А дедушка говорит, что это ещё только начало, что потом ещё больше будет. Что делать, Николай Петрович?

Николай Петрович был из тех директоров, у которых на всё хватит времени и внимания, для которых должен быть решён каждый вопрос, каким бы он ни был. И он сказал Ромаше:

– Что же ты наделал, товарищ Ваганов? Ударил в колокол, а о последствиях своего звона и не подумал. И деда вовлёл, и почте работы задал... Не планово, братец, это, не планово.

Ромаша не оправдывался.

Николай Петрович, во-первых, предложил создать комиссию по распределению семян и предложил председателем комиссии Ромашу.

И вот началось распределение. Жители Никитова получили первыми цветочные дары. По всему было видно, что розданные семена попадают в хорошие руки.

И у каждого, и у всех появились цветы. Они зацвели в палисадниках перед окнами, в школьном саду и на площади поселка. Они зацвели возле почты и у магазина. Они появились и в глиняных горшках на подоконниках домов. И все говорили о цветах.

Молчал только Стасик. Цветы не радовали его. Они не то посмеивались над ним, не то упрекали его, и Стасик старался обходить их. Но этого сделать было нельзя. Этого сделать

было нельзя вовсе не потому, что Стасик всюду встречался с цветами, а потому, что никому не удавалось уйти от своей памяти, от своей совести. Не ушёл от них и Стасик.

Ребята уже забыли, что Стасик пожалел для них цветочные семена, а он помнит и никогда не забудет этого.

Египетские голуби

Голубятню Сеня построил хорошую, тёплую. Дядя помог. Дядя, как и Сенина мать, служил тоже дворником, только в другом доме.

Теперь оставалось раздобыть деньги на покупку голубей. Это дело нелёгкое. Кроме Сени, у матери ещё трое ребят, и у неё каждая копейка на счету. Но всё же Сеня сумел скопить кое-что. И если бы продать коньки, то у него бы хватило денег на пару простых голубей. А потом у них появятся голубята. Голубята подрастут, и у них тоже выведутся голубята... И так бы пошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.